

ARTYKUŁY I ROZPRAWY

НАТАЛИЯ АНАНЬЕВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ORCID: 000-003-1626-2243

e-mail: ananeva.46@mail.ru

**ПОЛОНИЗМЫ И ПОЛЬСКИЕ РЕАЛИИ В ПОВЕСТИ
А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО *НАЕЗДЫ***

О влиянии польского языка на русский в XV-XVIII в.в. и даже в более раннее время неоднократно писали как польские, так и российские исследователи (Kochman 1967; Kochman 1975; Милейковская 1984; Witkowski 1999; Witkowski 2000; Witkowski 2018; Шетеля 2008; Шетеля 2011). Отмечалось также наличие полонизмов в русских говорах, в том числе даже в окрестностях Москвы (Wójtowicz 2018: 553-564). В меньшей степени обращается внимание на функции польских языковых элементов в гипертексте русской художественной литературы, в её прозаическом и поэтическом дискурсах. В последнее время именно этот аспект изучения полонизмов был предметом ряда наших публикаций, в которых анализировался язык произведений некоторых русских прозаиков и поэтов, использующих полонизмы с определёнными художественными целями (Ананьева 2004; Ананьева 2011; Ананьева 2012; Ананьева 2013; Ананьева 2014; Ананьева 2015; Ананьева 2016; Ананьева 2017). Анализ этих произведений позволил выделить полонизмы, относящиеся к польскому интертексту русской литературы XIX-XXI в.в., и выявить основные функции как интертекстуальных полноязычных элементов, так и присущих идиостилям отдельных авторов. Среди основных функций были выделены следующие:

- 1) передача локального колорита и национальная маркированность персонажа, способствующие усилению реализма повествования (наиболее частотная функция, особенно характерная для произведений автобиографического характера, например, первой части *Истории моего современника* В.Г. Короленко или романа А.Я. Бруштейн *Дорога уходит в даль*);
- 2) архаизация (например, в исторических романах Б. Акунина о Смутном времени);
- 3) людическая (например, в романе В.П. Аксёнова *Вольтерьянцы и вольтерьянки*);

4) иронико-сатирическая (например, в повести И. Эренбурга *Бурная жизнь Лазика Ройтиванеца*, некоторых рассказах А.П. Чехова или в *Золотом телёнке* И. Ильфа и Е. Петрова);

5) субституция иного языкового кода (например, чешского в рассказе И.С. Тургенева *Несчастная*);

6) выявление существенных для русского перцепиента особенностей польского языка и их эстетическая оценка; так, во многих произведениях русской литературы отмечаются билабиальный характер польского *ł*, изобилие шипящих и парокситонический характер ударения, а эстетическая оценка польского идиома приводится в рассказе А.П. Чехова *Тина*;

7) идеологическая (например, в дилогии В.В. Крестовского *Кровавый пуф* или романах Н.А. Островского);

8) собственно поэтическая, когда полонизм становится компонентом поэтики, обогащая палитру словесных средств произведения (например, в некоторых произведениях Н.С. Лескова).

Перечисленные функции могут сосуществовать в одном и том же произведении (например, функция национальной маркированности польского персонажа и идеологическая у Ф.М. Достоевского в *Братьях Карамазовых* и *Игроке*, функция передачи локального колорита и национальной маркированности и идеологическая в вышеупомянутой дилогии В.В. Крестовского). С другой стороны, у одного и того же писателя в разных произведениях функции полонизмов могут быть различными: например, у Н.С. Лескова в рассказе *Антука* представлена первая функция (передача локального колорита и национальности героев), а в некоторых других произведениях полонизмы используются в чисто художественных целях (ср. хотя бы заглавие повести *Несмертельный Голован*, где „несмертельный” означает, как и польск. *nieśmiertelny* ‘бессмертный’).

В данной статье мы проанализируем полонизмы и реалии, связанные с Польшей, в одной из лучших романтических повестей писателя-декабриста А. Бестужева (Марлинского) *Наезды*, посвящённой событиям, происходившим на территории Псковщины и соседней Латгалии вскоре после избрания Михаила Фёдоровича Романова на российский престол (подзаголовок произведения – *Повесть 1613 года*). Смутное время заканчивается, иноземные войска выдворены из Москвы, но отнюдь не всё ещё спокойно в Российском государстве. „Поляки еще в Смоленске [...] Горн и Делагардий держат Новгород” (Бестужев 1988: 86). На северо-западе (в том числе в описываемом в повести регионе – под Опочкой) орудуют литовско-польские отряды (в повести банда Жеготы), на границе с Речью Посполитой постоянно происходят стычки русских и поляков-лисовчиков. На фоне этих исторических событий развивается романтический сюжет повести – история избавления из польского плена князем Серебряным, выдающим себя за „литовского дворянина” Яромира Маевского, русской дворянки Варвары Васильчиковой, похищенной разбойником Жеготой и отданной им князю Колонтаю. Трагический романтизм повествования усиливает чувство любви, возникшее у похищенной Варвары к „врагу” – молодому князю Льву Колонтаю, который также страстно полюбил русскую

„полонянку”¹. Влюбленный в Варвару-Барбару князь Серебряный уговаривает ее бежать из плена. Любовь к Родине у Варвары одерживает победу над ее „преступным” чувством к иностранцу. Она бежит вместе с Серебряным, но ответить на его чувства по законам жанра романтической трагедии не может и, „не доставшись никому, только Богу одному”, погибает от руки разбойника Жеготы.

В центре повести два романтических героя – русский боярин, князь Степан Серебряный и польский магнат, князь Лев Колонтай. Они не уступают друг другу в отваге и благородстве. Окружают же благородного польского рыцаря отнюдь не идеальные персонажи (см. ниже).

Польские языковые элементы вкраплены в речь героев повести с первого вступления лже-Маевского и перебежчика Зеленского, сопровождающего его под именем шляхтича Стребалы, на территорию Речи Посполитой, а конкретнее, в Польские Инфлянты (в тексте – *Польские Инфанты*). Устами Зеленского в повести дается верная историко-этническая характеристика этого региона: „Изволишь видеть, князь (речь обращена к Серебряному. – Н. А.), край этот зовется теперь Польскими Инфантами и уступлен Польше немецкими рыцарями. От этого здесь есть и чудские переселенцы, и туземные латыши, и старинные литовцы, и настоящая польская шляхта, и беглые русские, которыми в особенности заселены пограничья. Да и между панамы такой же сброд: кто немец, а кто литвин, кто барон, кто князь” (Там же 101). Зеленский отмечает и обособленность этой территории от центральных областей Польши. На вопрос Серебряного, „хорошо ли они (т.е. местные поляки. – Н. А.) знают остальную Польшу и другой конец Литвы”, а также Украину и Подолию, Зеленский отвечает: „И все-то поляки, кроме своего округа, не знают, да и знать не хотят отчизны – а здешние медвежники всех менее. Варшавцы и краковцы смеются над ними; они презирают варшавцев и краковцев вместе и доказывают, что предки их были уже дворянами, когда в Польше жили одни лягушки” (Там же). Серебряный и Зеленский въезжают в северо-западную часть Речи Посполитой, на территорию Люцинского повета. Упоминаются центр этого повета Люцин (с 20-х гг. XIX в. – *Лудза*), *Режица* – „старинный Розитен” (совр. *Резекне*). Надо сказать, что полиэтническая и полиязыковая картина характерна и для современной Латгалии, где проживают латыши (латгальцы), литовцы, поляки, русские староверы, а до Второй мировой войны значительное число составляло еврейское население. В характеристике, данной региону Зеленским-Стребалой, отсутствует упоминание о евреях, но в самой повести действует еврей-перекупщик Лейба, в шепелявой речи которого (смешение шипящих и свистящих – обычный прием передачи еврейского акцента в русской литературе) представлены польские элементы (см. ниже). О том, что территория Латгалии до сих пор представляет собой многоязыковую и полиэтническую картину, свидетельствуют материалы Латгальского конгресса (Даугавпилс, 12-14 ноября 2007 г.). Из

---

¹ Можно сказать, что А. Бестужев в какой-то степени нарушает известный стереотип русской литературы, в которой объектом поклонения является прекрасная „полячка” (ср. Андрей Бульбенко и панночка, Мария и Гирей и др.) Здесь русская дворянка внушает любовь не только соотечественнику Серебряному, но и польскому пану.

доклада на том же конгрессе Бориса Д. Волковича (Boriss Volkovičs) следует, что в XIX в. главный город Латгалии (бывших Польских Инфлянтов) Динабург (позднее Двинск, совр. Даугавпилс) был одним из центров сионистского движения. Проезжавший через этот город в 60-х гг XIX в. Теофиль Готье отмечал, что в Двинске очень много евреев, говорящих по-польски (Готье 1988). Трагедия Холокоста завершила двухвековую историю еврейского населения Латгалии.

Польский язык занимает до сих пор среди языков Латгалии значительное место. На нем говорят в селах под Даугавпилсом (на границе с Литвой), в ряде пунктов Краславского района, в Мадонском районе (например, польский говор дер. Дарвиниеки этого района был описан в свое время рижской лингвисткой Ю.М. Паршутой). Язык полоноязычных жителей Латгалии исследуется польскими и российскими диалектологами (например, М. Острувкой). Однако в некоторых населенных пунктах, где раньше говорили по-польски, этот идиом утрачивается. Так, еще в 70-е гг. XX в. в дер. Пески Краславского района, по нашим наблюдениям, говор сохранялся уже в рудиментарном состоянии, у отдельных представителей старшего поколения. При этом большая часть польской лексики даже у старшей генерации была утрачена.

Возвратимся из современности в XVII век, к которому относятся события повести *Наезды*. Заметим, что само название произведения (*Наезды*) соотносится с польск. *najazd* ‘набег’. В тексте повести эта лексема встречается наряду с сохраняющимися до настоящего времени исконно русскими эквивалентами *набег* и *налет*. Ср. употребление слов *наезд* и *налет* в речи Серебряного: „заплатить *наездом* за *наезды*” (Там же 92), „с разными *налетами*” (Там же 90).

Недавние события Смутного времени, обстоятельства похода поляков на Москву упоминаются в беседах Серебряного с Агаревым и Зеленским, в разговоре отца Льва Колонтая пана Станислава с сыном и с судьей Войдзевичем. Так, Зеленский вспоминает, как под руководством гетмана литовского Карла Ходкевича он участвовал в победной битве со шведами. Под командованием полковника Лисовского он принимал участие в осаде Троице-Сергиевой лавры, но, будучи пьяным, напал с саблей на Лисовского и, боясь наказания (неминуемой „петли”), бежал и попросил защиты у Серебряного. Агарев говорит о безвременье после смерти Бориса Годунова, о появлении на Руси самозванцев: „Чуть не стало первого самозванца, набежало их дюжинами, и пошли играть короною, словно мячиком. Один кричит: подавай нам Владислава, другой хочет шведского королевича, третьи ждут самого Жигимонта...” (Там же 85). Серебряный, который одно время был дружен с поляками (откуда и научился польскому языку и знал „почти всех бывших при дворе Дмитрия, и в войсках коронных, и в полках Тушинского вора” (Там же 101)), вспоминает о своем участии в борьбе с бывшими друзьями: „Я был сперва под знаменами героя Шуйского-Скопина на севере (среди побед впоследствии отравленного полководца Скопина-Шуйского известная битва под Калязином. – Н. А.), а потом, когда он умер, когда семибоярщина сверзила царя Василия (Василия Шуйского. – Н. А.), то с разными налетами, не сходя с поля, дрался я то с самозванцами, то с запорожцами, то с поляками... справили мы под рукою Пожарского знатные проводы

Жолкевскому – и победителями вошли в Москву” (Там же 9). Со скепсисом относится к ”недавним победам над русскими” (слова Льва Колонтая) Станислав Колонтай: „Победы? – вскричал он (Станислав. – Н. А.) насмешливо, – нечего сказать, славно побеждали твои товарищи под Троицким монастырем (речь идет о безуспешной попытке поляков взять Троице-Сергиеву лавру. – Н. А.) и Москве. [...] Панна Марина повела вас за хвостом своим, а за Жигмунтовы усы выпроводили молодцев”; „Полякам должно краснеть таких торжеств (т.е. пленения Василия Шуйского. – Н. А.). „С бою ли, честью ли взяли Василия? Нет: из монастыря и обманом, да и давай показывать варшавским зевакам за царя человека, их же происками постриженного в монахи; давай прозой и стихами величать себя победителями, потирая бока. Вот весь ваш хваленый поход на Москву!” (Там же 105-106).

Наибольшее число полонизмов представлено в главах, действие которых происходит во владениях Колонтаев. Но уже при первых шагах Серебряного и Зелинского в сторону Литвы в хате разбойника Жеготы между евреем Лейбой, женой Жеготы и их сыном Ясем (в тексте почему-то им. п. ед. ч. Яся, польск. *Jaś* или *Jasio*) ведутся разговоры, в которых значительное место занимают вкрапления из польского языка. Ср. гибридные русско-польские фразы Лейбы, в которых одновременно автор повести пытается отразить еврейский акцент перекупщика: „Але сто тридесяц злотых будет досыц, *пани Охмистрина*, за эци сережки”; „Але, пани Охмистрина, и мои злоты не обрезанные”; „Але не гневайся, ясневальможная” (Там же 94-95). Свои обращения к жене Жеготы Лейба начинает, как правило, с союза *але* (польск. *ale* ‘но’), называет ее пани Охмистрина (польск. *ochmistrzyni* 1. ‘жена дворецкого’; 2. ‘экономка, ключница’) и ясневальможная (искаженное польск. *jaśnie wielmożna* ‘высокочтимая’). В его вышеприведенных фразах представлено польское название денежной единицы (*злоты* – польск. *złoty*), наречие *досыц* (польск. *dosyć* ‘достаточно’), числительное *тридесяц*, вторая часть которого – искаженное польск. *-dzieści* или *-dziesiąt* (из номинаций числительных от 50 до 80) – польск. *trzydzieści* ‘тридцать’. В других фразах Лейбы отмечены также полонизмы *клејнот* (польск. *klejnot* ‘драгоценность’), *паненка* (польск. *panienka* ‘девочка; девушка’), неопределенная частица *-сь* (польск. *ś*), присоединяемая к местоимениям и прилагательным, гибриды *стось* (польск. *coś* ‘что-то, что-нибудь’), русифицированное выражение *будь ласков* (польск. *bądź łaskaw* ‘будь любезен’). „Пани Охмистрина” также употребляет в беседе с Лейбой польские слова: *паненки* („Куда больно спесивы твои *паненки*!” (Там же 95)), словосочетание *даруй час* (польск. *daruj czas* ‘дай время’ – „даруй час на покаяние” (Там же 97)), *пани Воеводина* (т.е. жена воеводы – польск. *wojewodzina*), *старостина* (польск. *starościna* ‘жена старосты, старостиха’ – „не стыдно и старостине надеть!” (Там же 98)), восклицание „*Иезус баранок Божий!*” (калька с польск. *Jezus baranek Boży* ‘Иисус агнец Божий’).

Ономастическое пространство повести насыщено польскими номинациями. В первую очередь это антропонимы – имена польских персонажей произведения и упоминаемых ими лиц: *Станислав Колонтай*, *Лев Колонтай*, сын разбойника *Жеготы Яся* (!) и называемое им имя его брата *Ян*, пан *Зеленский*, пан *Цыбульский* (упоминается Ясем Жеготой в качестве преданного Лейбой

гетману), хорунжий *Солтык*, судья *Войдзевич*, *Вацлав Шадурский*, панна *Ружа*, панна *Сидалия*, пани *Элеонора Ласская*, пан *Опалинский*, пан *Цаплинский*, *Иозеф Бржестовский*, *Михал Тимон*, панна *Марила*, пан *Зембина*, пан *Пузина*, подсудок *Дембек*, пан *Плевака*, лисовчик *Мацевский*, пан *Радулович*, патер *Гольнский*, пани *Завиша*, пан *Горжельский*, Варвару Васильчикову на польский манер часто называют *Барбарой*. Сюда же относятся используемые Серебряным и Зеленским фальшивые польские имена: *Маевский* (Серебряный) и *Стребала*. Упоминает С. Колонтай и девичью фамилию своей жены *Гедройц* („урожденная княжна Гедройц” (Там же 108)). Ср. ту же фамилию нашего современника – издателя парижской „Культуры” *Ежи Гедройца*.

Приведенные имена и фамилии частично русифицированы: отсутствие стяжения в фамилиях на *-ski, -cki* (ср. *Шадурский, Ласская*), наличие *и* вместо *ы* (ср. *Пузина* – польск. *Puzyna*, *Тимон* – польск. *Tymon*, *Марила* – польск. *Maryla*), отсутствие мягкости *н* перед суффиксом *-sk* (*Зелинский* – польск. *Zieliński*, *Гольнский* – польск. *Gołyński*). Для польской шляхты Литвы характерно было с определенного времени (см. ниже подробнее) удвоение *l* в фамилиях (старых названиях родов). Поэтому обычной формой фамилии одного из двух главных героев является *Kollqtaj* – т.е. Коллонтай в транслитерации (ср. *Hugo Kollqtaj* – ученый и общественный деятель XVIII в., Александра Коллонтай – российская революционерка и советская общественная деятельница). С другой стороны, удвоение *с* в фамилии *Ласская* – результат русификации польской фамилии *Laska, Laski*. Как в русском языке, сохраняется беглое *е* в польской фамилии на *-ek* („к подсудку Дембеку” (Там же 14)). По типу фамилии *Стребала* Жегота образует комически звучащие фамилии *Трепала* и *Стрекала* („Это лихо, это по-нашему, пан *Трепала*, пан *Стрекала*, пан *Стребала* – как бишь ты назвал себя?” (Там же 149)).

Наряду с фамилиями и именами польских персонажей (действующих или упоминаемых героями произведения) в повести отмечен ряд прецедентных антропонимов. Это имена польских королей и целой династии: имя *Стефана Батория* как символа героического прошлого („поход *Батория* на Псков” (Там же 10), „Гей, венгерского, старого венгерского, чтобы *Стефана Батория* помнило!” (Там же 113)); актуальных для недавнего прошлого и настоящего имен короля *Зыгмунта III Вазы* (в трех формах: *Сигизмунд*, *Жигимонт* и *Жигмунт* – последняя форма наиболее близка к польскому оригиналу), его сына королевича *Владислава* и царицы *Марины* (*Марины Мнишек* – жены двух самозванцев); династии *Ягеллонов* в качестве символа очень далекого прошлого (ср. „В двух только гостиных стены обиты были золототравчатым штофом, а креслы и стулья обтянуты рытым плисом, но все это было так блекло, что без ошибок его можно, казалось, назвать ровесником *Ягеллонов*» (Там же 109)). Упоминаются в повести такие известные лица, как *Николай Зебржидовский* (сандомирский воевода, который вместе с *Янушем Радзивиллом*, *Яном Гербуртом* и *Станиславом Стадницким* в 1606 г. вскоре после смерти великого канцлера *Яна Замойского* поднял бунт против *Сигизмунда III* – ср. слова *Станислава Колонтая*: „Однако пусть лукавый утопит в бочке венгерского мою душу, если *Жигмунт* не рвет наши *Rasta conventa* на завивку шведских своих усов. Но дай только дожждаться первого сейма – у меня найдется свой *Зеб-*

ржидовский – он грянет “непозволям”, как вестовая пушка” (Там же 115)). Имя Замойского также произносится С. Колонтаем, вспоминаям свое боевое прошлое: „Не то бы вы запели, господа, если б вам удалось видеть моего рыжего в масле коня, чистой персидской породы, которого добыл я, когда мы с Замойским разбили турок” (Там же 104).

Замойского упоминает и хорунжий Солтык, сравнивая содержание Варвары у Колонтая с проживанием принца Максимилиана в плену у Замойского („она живет здесь не хуже принца Максимилиана в плену у *Замойского* в Красном Ставе” (Там же 11)). Говорится и о знаменитом роде польских магнатов *Потоцких* („он (пан хорунжий. – Н. А.) уморит со смеху, представляя короля и любимцев его *Потоцких*” (Там же 106)). Неоднократно встречаются на страницах повести имена польских военачальников, участвующих в польской интервенции на Руси и упоминаемых во всех произведениях русской литературы, описывающих события Смутного времени (*Ходкевич, Жолкевский, Лисовский*), а также образованный от последнего имени апеллятив лисовчик, обозначающий солдата конницы Лисовского (о специфике казаков-лисовчиков, отраженной в произведениях служившего капелланом в этих отрядах наемников Войцеха Демболенцкого, см. (Szyber 2010: 94-128)). Польские шляхтичи как „добрые католики” упоминают имена католических святых (агионимы): святого *Антония*, святого *Францишка* и святого *Юзефа*. При этом первые два агионима приведены в сочетании с номинациями относящихся к этим святым реалий: „ради *борова* святого Антония” (Там же 147-148) (дважды) и „ради *бечевки* святого Францишка” (Там же 14). Лексема *боров* намекает на то, что святой Антоний Падуанский, служа в одном из монастырей, убирал из хлева свиной навоз, а слово *бечевка* указывает на то, что Ассизский Бедняк, основавший орден францисканцев, подпоясывался вервием (веревкой). Имя же святого Юзефа употреблено в слегка русифицированной польской фразе: „Свентый *Юзеф*, змилуйся над нами!» (Там же 155). Упоминаются в произведении и легендарный мифологический герой *пан Твардовский* („Я его опохмелю осетринною настойкою, ради самого *пана Твардовского* опохмелю” (Там же 150), а также сакральное имя *Иезус* (польск. *Jezus* ‘Иисус’).

Топонимы, относящиеся к территории Речи Посполитой: астионимы и комонимы – *Люцин* (ср. *Люцинский повет*), *Режица*, *Самполье*, деревня *Тримостье*, *Красный Став* (употреблено в предл. п. ед. ч.: „В *Красном Ставе*”, так что нестяженная форма им. п. ед. ч. м. р. определения нами реконструируется, исходя из обычного способа передачи таких образований в повести: польск. *Krasnypustaw* – композит), *Краков*; хороним *Польша* и названия ее частей (*Литва*, *Украйна*, *Подолия*, *Польские Инфанты* – т.е. *Инфлянты* – как часть Литвы), гидроним *Двина*. Отмечены оттопонимические названия жителей городов: *варшавцы*, *краковяки* и *краковцы*, а также адъективы *варшавский*, *зеленопольский* и *краковский* в сочетании „*краковский колокол*” („ради *краковского колокола*” – слова шляхтича Плеваки, обращенные к Жеготе (Там же 14)). Под „*краковским колоколом*” имеется в виду самый большой (до 1999 г.) в Польше колокол *Zygmunta*, установленный в 1520 г. при Сигизмунде I Старом на Вавеле в Зыгмунтовой башне (часовне) и отлитый нюрнбергским мастером Хансом

Бехамом. Предполагаем, что в словосочетании „пан староста *Креславский*” („Милости просим, пан староста *Креславский*...” (Там же 108)) *Креславский* обозначает не фамилию, а номинацию региона („староства”), административным главой которого („старостой”) является приглашаемый С. Колонтаем гость. Во-первых, в обращении к кому-нибудь достаточно или указания должности („пан староста”) или фамилии („пан Х”) – в отличие от представления гостя другим гостям: здесь уместной была бы полная номинация лица – „пан староста Х”. Во-вторых, в польском языке нет мягкого *r*, должно было бы быть *Кржеславский (польск. *Krzyszlawski*). В-третьих, в той же Латгалии, недалеко от Режицы (Резекне) находится *Краслава* и, скорее всего, прилагательное *Креславский* является искаженной формой адектива *Краславский*.

Упоминаются этнонимы *поляк(и)*, *москаль (москали)* и уменьшит: *москаленок, жид* (последняя лексема, являющаяся заимствованным в русском из польского германизмом, не имела даже в XIX в. и тем более в XVII в. современной пейоративной окраски).

В характеристике и самохарактеристике поляков, в их поступках отражены черты, реализующие девиз польского шляхетства – „*Bóg, honor, ojczyzna*” ‘Бог, честь, Родина’. Это определение поляков как „добрых католиков” (ср. традиционный обряд перед принятием пищи: „Сельский каноник прочел “*Oculis omnium*”, благословил яства, и все стали садиться” (Там же 110) или описание молящихся в костеле, „которые по католическому обычаю лежали на полу крестом, распростерши руки, не слыша в набожном углублении шуму приезда (Колонтаев. – Н. А.)” (Там же 128)). Это любовь к Родине, проявляющаяся в гордости за славное прошлое и свою родовитость, в готовности сражаться за Родину – ср. воспоминания Станислава Колонтая о славной „старожитной Польше”, о том, когда поляки „с Замойским разбили турок» (Там же 104) или когда „за Батория позвенели на свой пай палашами” (Там же 10), его высказывания о том, что „тот и свят, кто лучше рубится за отчизну” (Там же 111), песенку, напеваемую Войдзевичем, в которой прославляется Польша: „Польша богата всяким добром, / Польша славна и мечом, и пером!” (Там же 119), самоопределение „родовитые шляхтичи” у Плеваки, определение „родовитый шляхтич” как достоинство псевдополяка Маевского в устах хорунжего Солтыка, начало заздравного тоста Льва Колонтая: „Мое первое счастье сражаться за свободу отечества...” (Там же 113). При этом отношение к „московскому походу” у поляков разное: если Лев Колонтай говорит, что „недавние победы над русскими доказали, что мы достойны своих предков” (Там же 105), то его отец, как уже было отмечено выше, не считает этот поход победным.

Непременной чертой польского шляхтича являются храбрость и отвага, нередко переходящие в излишнюю горячность и запальчивость, а порой имеющие показательный характер (последнее отмечается только в наррации и проявляется в поступках польских персонажей). Ср., например, высказывание Станислава Колонтая о том, что в мазурке „отпечатан дух народа более отважного, нежели скромного, более пылкого, чем нежного” (Там же 136), самоопределения и определения в наррации поляков как „удальцов”, „удалых”, „молодцов”, характеристику Льва Колонтая в наррации как „страстного по

природе, отважного по призванию, пламенного патриота по долгу” (Там же 131) и его высказывание „Угрозы непонятны полякам, потому что страх неизвестен им” (Там же 151), восклицание Плеваки „разве наша (т.е. польская.– Н. А.) храбрость не известна всей земле?» (Там же 148), а также стычку из-за пустяка между Войдзевичем и Солтыком, сопровождаемую следующим авторским комментарием: „Такие сшибки были весьма обыкновенны в Польше, где каждый молодой человек, не заботясь о справедливости, жаждал выказать свою храбрость, не ходя далеко” (Там же 111). Готовность по пустяковому поводу (или без оногo) сразиться на саблях или продемонстрировать свою удаль стрельбой по дамским каблукам и даже „пистолетными жмурками” (т.е. стрельбой друг в друга с завязанными глазами), которые „были в моде между удалыми поляками, особенно под вдохновением венгерского (вина. – Н. А.)” (Там же 131), в определенной степени отражает автостереотип поляка, заключенный в пословице „Polak, Węgier, dwa bratanki, i do szabli, i do szklanki” ‘Поляк и венгр – два брата и по сабле, и по вину’. Славолюбие – еще одна черта польского шляхтича (ср. один из тостов на пиру у Колонтаев: „Да цветет польская слава!” (Там же 113) и признание пана Плеваки: „да мы готовы в самый ад прыгнуть за славою!» (Там же 148).

Ценностный характер понятия *honor* ‘честь’ подчеркивается на языковом уровне постоянным употреблением польскими шляхтичами словосочетания „слово гонору” (польск. *słowo honoru*, являющееся переводом франц. *parole d'honneur* – ср. русск. *честное слово*). Поляки – дамские угодники и любители попить (ср. пирушку у Станислава Колонтая и провозглашение Львом тоста за „здоровье русской розы – панны Барбары”, сопровождаемое выпиванием вина из снятого с ее ноги черевика). Станислав Колонтай даже упрекает „новопольскую молодежь” в том, что она „лучше любит ласкать дамские ножки, чем сабельные ручки”, а на замечание Войдзевича, что „и пан Станислав в молодую пору был присяжным угодником и любимцем красавиц”, возражает: „что было, то было; только мы в старину не забывали славы для волокитства и не вековали в женских уборных” (Там же 105).

Любовь польских шляхтичей к битвам, пирам и прекрасному полу отражают и „припеваемые” поляками на вечеринке у Колонтаев куплеты, „которых в Польше... бесчисленное множество”:

Милы полякам
Битвы, беседы;
Храброму лаком
Кубок победы!
Любит он звон мечей,
Любит он блеск очей,
Стройные пляски,
Нежные ласки!
Хором
Кубок и сабля!
Сабля и кубок!
Сладостна капля
С розовых губок! (Там же 137).

Поляков характеризуют также гостеприимство (ср. в наррации отмечается, что в гостях „ни один порядочный дом в Польше не имеет недостатка и в Страстную неделю» (Там же 104)) и словоохотливость (ср. – также в наррации читаем: „Поляки всегда были щедры на слова» (Там же 107), а также свободолюбие (ср. тост на пирушке у Станислава Колонтая: „Да вечно зеленеет свобода шляхетская!» (Там же 113), словосочетание *вольный шляхтич*, употребленное по отношению к себе Зеленским). Однако в наррации такие положительные, казалось бы, черты польского шляхтича, как храбрость, патриотизм, свободолюбие, подвергаются девальвации, и к ним добавляются негативные по своей природе качества: невежество, стремление к собственному обогащению, эгоизм, бесхозяйственность. Так, автор перечисляет следующие причины разочарованности Льва Колонтая действительностью: „любовное пустословие, расточаемое без разбору и приемлемое без веры», „отвага без повинования в поле и без скромности дома», „нестерпимое невежество дробной шляхты и дерзость магнатов в народных собраниях; низкие происки при дворе для получения коронных мест и потом наглое неуважение к королю, потому что места сии были неотъемлемы; хищность на чужое добро и расточительность на свое», приоритет личного над государственным („всегда свои выгоды впереди блага отчизны, скрытые под ненавистной личиною ложного патриотизма» (Там же 131)). Подчеркивание своей родовитости в виде родового герба на воротах имения или портретов предков, развешанных по стенам комнат, может сочетаться с бесхозяйственностью шляхтича, владеющего поместьем, поскольку „хозяйство считалось недостойною наукою для дворянина» (Там же 109). Только „несколько польских магнатов могли блистать роскошью», а „три четверти остальных равнялись с ними одной спесью, далеко отставая средствами ее удовлетворить и выказать». Далее нарратор продолжает: „Все это чванство, нисходя постепенно к бедности, делало только смешней их причуды и тем скорее довершало разорение» (Там же 109). В имении Станислава Колонтая Серебряный-Маевский видит на своде ворот залепленный гнездами ласточек и покрытый плющом родовой герб („железный щит» – „вывеску тщеславия»), в комнатах не замечает „ничего великолепного, что полагал найти по рассказам поляков», кроме древней мебели времен Ягеллонов и покрытых „пылью и копотью» портретов предков Колонтаев (Там же 109).

Противостояние „русского» и „польского», обостренное военными столкновениями, враждебное отношение поляков к „москалям», усиленное в прошлом безуспешной осадой Баторием Пскова, а в недавнем настоящем – неудачным для поляков исходом польско-шведской интервенции, отражают высказывания Станислава Колонтая о своей „вечной ненависти к русским», его заверения в том, что „пусть черт из костей моих выточит игральные кости, если хоть один русский, попавшись ко мне в руки, вырвется из них живой (Там же 106), такие восклицания русских шляхтичей, как „мы в войне... с русской силой» (Там же 113) и „На Русь, на Русь!» (Там же 127), обещание Станислава Колонтая, услышавшего рассказ Жеготы о нападении Серебряного на колонтаевскую деревню Тримостье, взять с русских „за каждую баранью шкуру по коже» и смьть кровью „след их с земли польской» (Там же 127), а также его ответ Жеготе, предложив-

шему привезти ему „москаленка для потехи”, – „ни медвежонка; мне и русский дух надоел” (Там же 127). „Врагом по роду и сердцу” называет Серебряного и Лев Колонтай. Там не менее, он освобождает князя из плена и помогает ему бежать вместе с Варварой. При этом сопровождающие Льва Зембина и Солтык даже обнимают князя на прощанье, „прося его помнить, что и в Польше есть добрые люди” (Там же 153).

Противопоставление „русское” – „польское” касается даже отношения поляков к русскому языку, который пан староста называет „холопским”: „Чему быть хорошему на холопском языке?” (Там же 116). Ему возражает Серебряный-Маевский: „На Руси почти то же говорят о польском языке” (Там же). Однако далее князь Степан говорит о равноценности польского кохам и его русского перевода *люблю тебя*.

Гости Станислава Колонтая и он сам, как и еврей Лейба и жена Жеготы, употребляют польско-русские гибридные фразы. Например: „*Добрже, пан Маишталярж, досконале!* еще задай ему (коню. – Н. А.) штрапацию”, „*Добрже, добрже, пан Сендзья*, что было, то было” (слова Станислава Колонтая) (Там же 104-105), „*Прошу слово гонору*, пан хорунжий!” (слова судьи Войдзевича) (Там же 111), „*От пана до пана* черевик красавицы!” (восклицание шляхтичей во время пирушки) (Там же 113), „*Кохаймыся! От пана до пана!* – возгласил Жегота, – а между тем не видал ли ты рейтарии Колонтая?” (Там же 149), „*Приштан, Юрка, до вербунка!* И с нами в наезд!” (Там же 149), „*Свентый Юзеф, змилуйся над нами! До дому*, пан ловчий” (Там же 155). Иногда эти фразы являются переводными кальками с польского. Примеры подобных переводов: „Упадаю к ногам панским” (слова судьи Войдзевича) – перевод польск. *padam do nóg pańskich*; возглас да живет („Да живет новая (Польша. – Н. А.) по-старинному!” (Там же 113) – калька с польск. *niech żyje* ‘да здравствует’.

Кальками с польского являются и некоторые отдельные слова, например, *перепущу* (польск. *przepuszczę* ‘пропущу’) – ср. „Сегодня ни одной души не *перепущу* за реку” (Там же 149). Предполагаю, что и выражение „русская корона не ушла бы у него в лес”, несмотря на добавление „как заяц” (Там же 115), соотносится с польск. *poszła w las* ‘пропала’ (ср. поговорку: *nauka nie poszła w las* – ученье не пропало, пошло впрок).

Рассмотрим, какие лексико-семантические группы польских апеллятивных субстантивов, а также какие слова иной частеречной принадлежности, восходящие к польскому идиому, употреблены в повести.

Среди польских по происхождению апеллятивных существительных выделяются следующие:

I. Названия лиц

1. По социальному признаку:

• полифункциональная и высокочастотная, как и в других произведениях русской литературы, лексема пан (мн. ч. паны и панове, собират. панство, феминативы пани и панна – по отношению, как правило, к незамужней женщине – ср. постоянно панна Барбара // Варвара, также панна Ружа, панна Сидалия, панна Марила, но и панна Марина – о Марине Мнишек, „московской царице”). Слова пан и пани употребляются даже с русским прозвищем,

относящимся к поляку (пан Сорвиголова), с именами и фамилиями поляков (ср. пан Зеленский, пани Лаская, пани Элеонора и др.), с номинациями их должности (ср. пан эконом, пани Охмистрина, пан староста Креславский) – как в обращении к ним, так и в наррации; в качестве отдельных лексем – маркеров „польскости” персонажа (ср. возглас „от пана до пана!” при передаче кубка вина).

В функции обращения в речи русскоязычного крестьянина встретился деминутив *паночек*, а также лексема *панья*: „– Далеко ли до Самполя? – спросил князь. – Близко, *паночек*, – ответил тот (крестьянин. – Н. А.) по-русски”; „В старину было пять миль, *паночек*, да *панья* смиловалась: велела только трем быть”. Ср. также передачу этим крестьянином слов „пана эконома”: „*Панья* велела” (Там же 101).

Надо сказать, что под влиянием большинства существительных ж. р. на *-a* в польских диалектах (в том числе, на территории северо-восточных Кресов, куда относится территория Латгалии) отмечаются формы типа *pańa*, *gospodyńa* (литер. *pani*, *gospodyni*).

В прономинальной функции употребляется также лексема *добродзей* (польск. *dobrodziej* ‘благотетель’, в обращении „милостивый (государь, батюшка)”), а также *васан* и *вашмосц* (польск. *wasan*, *waszmość* < *wasza miłość* ‘ваша милость; сударь’). Ср. обращение Станислава Колонтая к лже-Маевскому (Серебряному): „Пан Маевский! ...прошу отведать с этого блюда, да *вашмосц* ничего не кушает” (Там же 112); „*Васан*, конечно, русак по вере, – спросил пан староста Креславский, обращая слово к князю, – сдается, пан крестился на правое плечо?” (Там же 110); слова Жеготы, обращенные к Зеленскому: „Черт меня согни в бараний рог, если где-нибудь я не видел васана *добродзея*” (Там же 148). Впрочем, лексема *добродзей* употреблена и не в прономинальной функции, а как синоним слова *шляхтич*, *господин*: Серебряный говорит Зеленскому, что тот „родовитый добродзей” (Там же 101). Ср. также обращение „пан добродзей”: „Что надо, *пан добродзей*?” (слова русского рыбака, обращенные к Серебряному как к поляку) (Там же 156); „Ах вы трусы, *паны добродзеи*, – возразил ловчий...” (Там же 155);

- старый полонизм *гетман* (польск. *hetman* из немецкого);
- старый полонизм *магнат* (польск. *magnat*);
- старый полонизм с русифицированным суффиксом *-ич* *шляхтич*, собир. *шляхта*, *шляхетство* (польск. *szlachcic*, *szlachta*, *szlachectwo*).

2. По профессиональному признаку

2.1. Номинации, связанные с военными действиями

- старый русифицированный полонизм хорунжий (персонаж повести хорунжий Солтык – польск. *chorąży*);
  - *лисовчик* (польск. *lisowczyk* ‘солдат конницы Лисовского’). Примеры контекстов: „Видно, что был в науке у *лисовчиков*” (слова Агарева) (Там же 93);
  - *панцерник* (польск. *pancernik* ‘латник, воин в латах’). Примеры контекстов: „Пусть знают эти *панцерники*, что новый голова не даст им солить впрок русских баранов, не только что торговать красавицами” (слова Степана Серебряного) (Там же 92); „Русские наехали на наше селение в позапрошлую ночь, разграбили, выжгли, угнали скот, перестреляли многих *панцерников*” (слова поляка Жеготы) (Там же 126); „...обманутые тишиною *панцерники*, без всякого

опасения, без всякого порядка, пустились на едва связанных прутьями бревнах...” (наррация) (Там же 158).

2.2. Другие профессии и занятия

- старые полонизмы *ксендз*, *каноник*;
- *маляр* (польск. *malarz* ‘художник’). Пример контекста: „...и это обстоятельство, конечно, было не внаклад и портретам, и *малярам*, их писавшим” (Там же 109);
- *машталярж* (польск. *masztalierz* ‘старший конюх, конюший’). Пример контекста: „Добрже, пан Машталярж” (слова Станислава Колонтая);
- *охмистрина* (польск. *ochmistrzyni* ‘экономка, ключница’). Пример контекста см. выше;
- *палестрант* (польск. *palestrant* ‘адвокат, юрист’). Пример контекста: „У *палестраитов* (опечатка: и вместо н. – Н. А.), как на испорченных часах, не узнаешь правды” (Там же 111);
- *пахолик* (польск. *pacholik* ‘мальчик-слуга; паж’). Пример контекста: „Бегущие впереди Колонтая *пахолики* с ковриком и молитвенником не очень учтиво толкали дробных шляхтичей, комиссаров и экономов и, наконец, простой народ” (Там же 178);
- *подсудок* (польск. *podśudek* ‘помощник судьи’). Пример контекста: „Ты не за славой ли лазил в карман к *подсудку* Дембеку?” (Там же 149);
- *покоевец* (польск. *pokojowiec* ‘слуга, камердинер’). Пример контекста: „когда вбежал *покоевец* в комнату сказать на ухо старому Колонтаю, что пан Жегота просит позволения видеть его” (наррация) (Там же 125);
- *сендзя* (польск. *sędzia* ‘судья’). Пример контекста: „Добрже, добрже, пан *Сендзя*” (слова Станислава Колонтая) (Там же 105);
- *староста* – старый полонизм (польск. *starosta* ‘староста’). Пример контекста: „Ах, молодость наша, молодость, пан *староста*, вспомни-ка пирушки в Кракове” (слова Станислава Колонтая) (Там же 113), „важно произнес пан *староста*” (наррация) (Там же 116).

3. По возрасту

- *паненка* (польск. *panienka* ‘девочка, молодая девушка’). Пример контекста: „*Паненки* – существа, похожие на наших воспитанниц” (наррация) (Там же 104); „к нему слетятся все наши *паненки*, как бабочки” (слова Зембины) (Там же 111);

4. Названия со словообразовательными показателями родственных отношений.

4.1. С суффиксом *-ина* (польск. *-ina*), обозначающим жену лица, названного основой:

- *воеводина* ‘жена воеводы’. Пример контекста: „да эдаких перлов сама пани *Воеводина* во сне не видала” (слова жены Жеготы) (Там же 95);
- *старостина* ‘жена старосты’. Пример контекста: „Пани *старостина*, прощу не отказываться...” (слова Станислава Колонтая) (Там же 113);
- сюда же относится и *охмистрина* с первоначальным значением ‘жена *охмистрза*’ (пример контекста приведен выше).

4.2. С суффиксом *-увна* (польск. *-ówna*), обозначающим дочь лица, названного основой:

• *старостувна* ‘дочь старосты’. Пример контекста: „Милости просим, пан староста Креславский, милости просим, ясновельможная пани старостина, панны старостувны” (слова Станислава Колонтая) (Там же 108).

5. Обозначение межличностных отношений:

• *коханка* (польск. *kochanka* ‘возлюбленная, любовница’). Пример контекста: „Совестно отрывать его (Льва Колонтая. – Н. А.) от *коханки*” (слова хорунжего Солтыка) (Там же 117).

II. Названия еды и напитков

• *лозанки* (польск. *lazanki* ‘вид лапши’). Пример контекста: „*лозанки*-то хоть куда!” (слова Станислава Колонтая) (Там же 113);

• *венгерское* (соотносится с польск. *węgrzyn*, ср. у Крестовского по ж.р. *венгжина*). Пример контекста: „Гей, *венгерского*, старого *венгерского*, чтобы Стефана Батория помнило!” (слова старика Колонтая) (Там же).

III. Названия танцев

Вошедшая в общерусский фонд лексема *мазурка* (польск. *mazur(ek)* – м.р.) и употреблявшаяся калька с польского галлицизма *polonez польский*, впоследствии заменившаяся совпадающей с польской формой *полонез*. Ср. описание двух этих танцев в повести: „Трудно вообразить что-нибудь живее и живописнее *мазурки*, и если *польский* есть танец войны, то *мазурка* – танец победы” (Там же 136). От обоих этих танцев, по образному выражению Станислава Колонтая, „польские косточки и в гробу запрыгают” (Там же). Ср. также описание польского танца в повести: „Наконец раздался народный польский танец, и все мужчины, заправляя распахнутые рукава за спину, опираясь левой рукой на саблю и по временам лаская сановитые усы, с гордой осанкою, но с покорным лицом пошли вокруг, каждый со своей дамою, улыбаясь на ее речи и лестно отвечая на них. Каждая выступка, всякий оборот отличался разнообразием движений, вместе ловких и воинственных” (Там же 129).

IV. Названия музыкальных инструментов

Форма плюратива *органы* (польск. *organy* ‘орган’). Пример контекста: „Сиповатые *органы* прогремели, и началась служба” (Там же 128).

V. Названия денежных единиц

• *злот* (польск. *złoty* ‘золотой’). Примеры контекстов: „*злот*, который бы мне заплатить за кровопускание, теперь в кармане” (слова Солтыка) (Там же 119); „я по сию пору боюсь пустить его *злоты* плясать по корчемному столу” (слова пана Плеваки) (Там же 148); ср. также вышеприведенные фразы еврея Лейбы с формами род.мн. *злотых* (польск. *złotyach*) и им. п. мн. ч. *злоты* (польск. *zlote*). Ср. также метафорическое употребление лексем *злот* в значении ‘пуля’ в устах разбойника Жеготы: „Я тебе дам свинцовый *злот*! – отвечал с злобной усмешкою Жегота, прицелил и пуля засвистела...” (Там же 158).

• *шелег* (польск. *szeląg* ‘мелкая монета’). Пример контекста: „У кого довольно серебра, тот не натирает ртутью *шелегов*” (слова Станислава Колонтая) (Там же 106).

VI. Названия украшений и драгоценностей

• *клеинот* (польск. *klejnoty* ‘драгоценности’, ед. ч. *klejnot*). Пример контекста см. выше;

• *перлы* (польск. *perły* ‘жемчуга’, ед. ч. *perla*). Пример контекста: „да эдаких *перлов* сама пани Воеводина во сне не видала” (слова жены Жеготы) (Там же 94-95).

VII. Названия одежды

• *венгерка* (польск. *węgierka*), ср.: „*венгерка* с серебряными жгутами”;
• *контуш*, ср. „зеленый польский *контуш*” (при этом, в отличие от большинства произведений русской литературы, в которых этот старый полонизм употребляется с у в первом слоге, – *кунтуш* – у Бестужева сохраняется польская форма с о – польск. *kontusz*).

VIII. Названия, связанные с военным делом, армией (помимо номинаций военных, приведенных в п. I.2.1)

• *бронь* (польск. *broń* ‘оружие’). Пример контекста: „Кто идет вперед, тому нужны *брони*, а не кони!” (слова старика Колонтая) (Там же 105);

• *вербунек* (польск. *werbunek* ‘вербовка’); употреблено в рифмованном выражении: „Приштан, Юрка, до *вербунка!*” (Там же 149);

• *ладунек* или *ладунка* (? – польск. *ładunek* ‘заряд’). Пример контекста: „Я уверен, что русские в погоню за тобой ворвались в наши границы, а твои удалцы – до старого леса, привыкши воевать больше с карманами, чем с *ладунками!*” (Станислав Колонтай говорит Жеготе) (Там же 126). Представлен также вариант *лядунка*: „*лядунка* для пуль” (наррация) (Там же 83);

• *язда* (польск. *jazda* ‘кавалерия, конница’). Пример контекста: „и сын мой Лев Колонтай, ротмистр *Язды Коронной*” (слова Станислава Колонтая) (Там же 108).

IX. Номинации животных

• *баранок* (польск. *baranek* ‘барашек’). Здесь употреблено в сакральном значении ‘агнец божий’.

X. Названия, связанные с государственным и административным устройством

Старые полонизмы *повет* (польск. *powiat* – ср. Люцинский повет) и *сейм* (ср. „Но дай только дожждаться первого *сейма...*”) (слова Станислава Колонтая) (Там же 115).

XI. Названия занятий и мероприятий

• *беседа* (польск. *biesiada* ‘пир’). Пример контекста см. выше;
• *полеванье* (польск. *polowanie* ‘охота’). Пример контекста: „Прошу извинить, ясновельможный; я, правда, был на *полеванье*, только в другом краю, за Великою” (слова Жеготы) (Там же 126).

XII. Религиозная терминология

Старые полонизмы *костёл* и *католик*, а также некоторые слова из приведенных в п. I.2.2.

XIII. Темпоральные существительные

• *час* (польск. *czas* ‘время’). Пример контекста: „даруй *час* на покаяние!” (мать Жеготы) (Там же 97).

XIV. Абстрактные существительные различной семантики (обозначающие понятия, свойства и др.)

• *гонор* (польск. *honor* ‘честь’), постоянно в словосочетании „слово *гонору*”.

• *польщизна* (польск. *polszczyzna* ‘всё польское; польский язык’). Пример контекста: „Натершись *польщизною* при дворе самозванца и находясь с ними в беспрестанных сношениях за переводчика во все время внутренней войны, он удачно ссылался на то, что знал, и извинялся пленом в том, чего не знал, приписывая долгой отвычке ошибки языка (Там же 108);

• *прияжь* (польск. *przyjaźń* ‘дружба’). Пример контекста: „Я уже опоздал на место чести, – по крайней мере, не изменю долгу *прияжни*...” (слова Серебряного) (Там же 151).

Под вопросом остается для нас значение лексемы *родина* в следующем контексте: „объявля себя (Лев. – Н. А.) рыцарем девушки, похищенной из семейства, из *родины*” (Там же 132). Представлено ли здесь значение ‘семья’ (польск. *rodzina*) или это синоним слова *отечество*? Употребление предлога *из*, использование на протяжении всего текста (кроме данного случая) лексемы *отечество* в значении польск. *ojczyzna* позволяет предположительно квалифицировать лексему *родина* как полонизм, который поясняется находящимся в препозиции к нему словом *семейство*.

В повести представлены также полонизмы, относящиеся к другим частям речи.

Глаголы

1. Формы настоящего-будущего времени

1 л. ед. ч.

• *кохам* (польск. *kocham* от *kochać* ‘любить’). Пример контекста: „он так мило звучит в слове “*кохам*”, что его нельзя выговорить, не вздохнувши!” (слова Серебряного-Маевского, знающего польский язык) (Там же 116);

• *непозволям* (польск. *nie pozwalam* от *nie pozwalać* ‘не разрешать’). Пример контекста: „у меня найдется свой Зебржидовский – он грянет “*непозволям*”, как вестовая пушка” (слова Станислава Колонтая) (Там же 115). Слово *nie pozwalam* – реализация знаменитого права *liberum veto* – характерной особенности устройства польского государства, которая, наряду с другими факторами, в конечном счете привела к утрате Польшей независимости.

2. Формы императива

2 л. ед. ч.

• *даруй* (польск. *daruj* от глагола *darować* ‘давать, одаривать’). Контекст приведен выше;

• *приштан* (польск. *przystań* от глагола *przystanąć* ‘пристать’). Пример рифмованного выражения с данной формой приведен выше. Форма с некорректным отсутствием обозначения мягкости *н*;

• *змилуйся* (польск. *zmiłuj się* от *zmiłować się* ‘смиловаться’). Пример контекста приведен выше;

1 л. мн. ч.

• *кохаймыся* (польск. *kochajmy się* от *kochać się* ‘любить друг друга’). Пример контекста см. выше.

Адъективы

Как и в фамилиях на *-ский, -цкий*, не отмечено стяженных форм им. п.: *добрые* ‘хорошие’ (католики), *новопольская* (молодежь) – польск. *nowopolska*,

панский (приятель) – польск. *pański*, *старожитная* (Польша), *шляхетская* (свобода), *шляхетские* (преимущества), высокочастотное обращение *ясновельможный* (польск. *jaśnie wielmożny*). Примеры соотносящихся с польским адъективов в косвенных падежах: „невежество *дробной* шляхты”, „*дробных* шляхтичей” (польск. *drobny* ‘мелкий’), „для получения *коронных* мест”, „в войсках *коронных*” (польск. *koronny* ‘королевский, принадлежащий короне’), „к ногам *панским*” (польск. *pański* ‘Ваш; господский’).

Наречия

- *добрже* (польск. *dobrze* ‘хорошо’). Пример контекста: „*Добрже, добрже*, пан Сендзя” (слова старика Колонтая);

- *досконале* (польск. *doskonale* ‘замечательно, великолепно’). Пример контекста: „*Добрже, пан Машталаярж, досконале!*” (слова Станислава Колонтая) (Там же 104);

- *досыц* (польск. *dosyć* ‘достаточно’). Пример контекста из речи еврея Лейбы приведен выше.

Числительные

- *тридесця* (польск. *trzydzieści* ‘тридцать’). Об этой форме см. выше.

Союзы и междометия

- *але* (польск. *ale* ‘но’). Примеры контекстов приведены выше;

- *гей* (польск. *hej* ‘эй’). Пример контекста: „*Гей*, венгерского, старого венгерского...” (слова Станислава Колонтая) (Там же 113).

Из синтаксических полонизмов это частотное наличие директивов с *до* в речи поляков, которым соответствуют в русском языке предложно-падежные формы с предлогами *в* или *к*. Ср. возгласы „от пана *до* пана!” (Там же 113); предложно-падежные конструкции *до костёла* („уже повозки у *крыльца*, чтоб ехать *до костела*” – слова Станислава Колонтая) (Там же 125), *до старого леса* („а твои удалцы – *до старого леса*”, т.е. ‘в старый лес’ – слова старика Колонтая) (Там же 126), *до дому, до корчмы* („– *До дому* пора... – *До дому*, то есть *до корчмы*, – возгласили многие” (Там же 155); „*До дому*, пан ловчий” (Там же)). Отмечена также польская конструкция *за Батория* с темпоральным значением ‘во времена Батория, при Батории’: „мы *за Батория* позвенели на свой пай палашами” (слова старика Колонтая) (Там же 105).

Влияние польского идиома отразилось и на порядке слов в сочетаниях существительного с согласованным определением, в которых определение употреблено в постпозиции по отношению к определяемому субстантиву: *ротмистр Язды Коронной, шляхетство польское*.

Полонизмы у Бестужева обычно объясняются в самом тексте повести: пояснением или приведением русских эквивалентов (причем чаще всего в дистантной позиции по отношению к польскому элементу: в препозиции или постпозиции). Примеры пояснений в тексте: „*Паненки* – существа, похожие на наших воспитанниц, *покоевцы* – род пажей, *пахолики* – род слуг” (Там же 104). В препозиции (дистантной) к лексеме *сендзя* размещается русский эквивалент *судья* (ср. „молвил режницкий *судья* Войдзевич” – наррация, а далее в разговоре с Войдзевичем Станислав Колонтай употребляет обращение „пан *Сендзя*” (Там же 105)). В постпозиции к полонизму *васан* находится его объяснение путем

приведения русского эквивалента: с помощью этого слова обращается к Серебряному-Маевскому „пан староста Креславский”, спрашивая князя о его вероисповедании, и князь негодует „за нескромный вопрос и неучливое выражение „*wasan*”, которое почти равняется нашему „*сударь*” (Там же 110). За польской словоформой *кохам* следует в тексте ее перевод „люблю тебя” (обе формы – и оригинал, и перевод – употребляет Серебряный-Маевский). После трехкратного приведения возгласов поляков „до дому” следует русский эквивалент (в дистантной позиции) „*домой* так *домой*” (слова ловчего) (Там же 155). В препозиции к полонизму перлы находится эквивалент *жемчуги*: „Вода в *жемчугах* мутновата” (слова Лейбы) и вышеприведенный ответ *жены* Жеготы: „...да эдаких перлов...” и т.д. (полный контекст см. выше) (Там же 94). В близкой постпозиции к полонизму *гонор* употреблен русский его эквивалент *честь*: „Прошу слово *гонору*, пан хорунжий! – Я не отдаю *честь* тем, которые не стоят ее!” (переписка между Войдзевичем и Солтыком) (Там же 111).

Техника адаптации полонизмов для облегчения их перцепции русскоязычным читателем включает в себя средства, обычные для гипертекста русской литературы с инославянскими элементами.

1. Русская огласовка лексемы

Примеры: *непозволям* (ср. русск. *позволить*, *позволять* – польск. *nie rozwalam*), формы с беглым *o < ь* (*подсудок* – польск. *podśudek*, род. п. мн. ч. *паненок* – польск. *panienek*; ср.: „так у всех *паненок* уже головы кружатся” (слова Зеленского) (Там же 103); отсутствие чередования *o~e* (род. п. мн. ч. *панн* – польск. *panien*, ср. то же в русск. *ванна* – *ванн* и польск. *wanna* – *wanien*, в фамилии *Дембек* – *Дембека* при польск. *Dębka*, но при этом сохранение чередования в имени *Францишка* – в русском было бы *Францишека*).

В повести постоянно представлены формы с твердым *n* перед *c* в *панство*, *панский* (польск. *państwo*, *pański*) и в фамилиях на *-ский*, *-ская* (Зелецкий – польск. *Zieleński* и др.). Любопытно, что твердость *n* перед *c*, *s* (формы *panski*, *panstva*, *slonce*) – это яркая особенность периферийных польских северо-восточных говоров, часть которых расположена в том числе на описываемой территории (Латгалия). Употребление двойного *c* в фамилии *Ласская* – также результат русификации формы. Как уже отмечалось выше, русифицированными являются также все нестяженные формы им. п. адъективов, включая фамилии на *-ский* (*-ская*), *-цкий* (*-цкая*).

2. Включение полонизма в парадигматику русского языка

Например, употребление в существительных, соотносящихся с польским идиомом, русских флексий: *-ы* или *-и* после *k*, *z*, *x* (без чередований) в им. п. мн. ч. существительных с семантикой мужского лица: *панцерники* – польск. *pancernicy*, *лисовчики* – польск. *lisowczycy*, *пахолики* – польск. *pachołkowie*, *паны* (наряду с *панове*) – польск. *panowie*; *-и* в им. п. мн. ч. существительных ж. р. на *-i* („*пани* и *панн*” – польск. *panie*); *-ою* в тв. п. ед. ч. существительных ж. р.: *польщицзною* – польск. *polszczyzną*; *-а* вместо *-у* в род. п. ед. ч. существительных м. р. на согласный (*вербунка* – польск. *werbunku*).

В глаголах употребляется возвратная частица *-ся* (польск. *się*), которая, как и в русском языке, пишется слитно с глагольными формами (*змилиўся* – польск.

zmiłuj się, Kochajmy się – польск. *kochajmy się*). Можно предполагать обычную для произведений русской литературы с полонизмами замену флексий 1 л. ед. ч. наст. времени *-ę* русским окончанием *-у* в „*Прошу* слово гонору”. Однако отсутствие знака ударения на первом слоге – а это единственное отличие от русского соответствия – не позволяет причислить форму *прошу* в повести Бестужева (в отличие, например, от *прошу* у Куприна в ”Гранатовом браслете” и др.) к русифицированным полонизмам.

Атмосферу „польскости” усиливает также выбор автором из ряда синонимов русского языка того, который ближе к польской форме или совпадает с ней. Так, Бестужев употребляет исключительно лексему *отечество* (о единственном употреблении слова *родина* см. выше – ср. польск. *ojczyzna*), не употребляет заимствование *глаза* (только общеславянское *очи* – ср. польск. *oczy*), использует лексемы *чело*, *уста*, а не *лоб* и *рот* (ср. польск. *czoło* ‘лоб’, *usta* ‘рот’), предпочитает слово *брюхо* (польск. *brzuch*) лексеме *живот*. Под влиянием польск. *rozumieć* поляки употребляют формы *разумею* и *разумеешь* („*Разумеешь*, пан хорунжий? – *Разумею*, только...” – разговор Войдзевича с Солтыком), а не *понимаю* и *понимаешь*.

Польские шляхтичи и магнаты как „добрые католики” владеют латынью и нередко произносят латинские фразы и выражения, переводы которых даются либо в тексте (в том числе в скобках), либо в сносках. Так, режичский магнат Станислав Колонтай употребляет следующее латинское выражение: „*causa nostrae laetitiae*, источник нашей радости” (о вине), судья Войдзевич говорит, обращаясь к Солтыку: „Дерзкий мальчик: *satis eloquentiae, sapientiae parum*” (Там же 111) (перевод дан, по всей видимости, редактором, в сноске: „Достаточно красноречия, мало мудрости (лат.)”). Пан староста говорит о вербовке Мациевским для похода на Москву таких удальцов, у которых „*neque res, neque spes bonum* (ни добра, ни надежды)” (Там же 115), а Лев Колонтай отвечает Солтыку: „*Experto credite* (верьте опытности)” (Там же 112).

Однако повествователь скептически относится к познаниям польской шляхты в области латинского языка, что выражается в следующем ироничном описании: „По окончании обедни патер удостоил прихожан латинскою проповедью, которая, без сомнения, была превосходна, потому что ее никто не понял, не исключая, может быть, и самого проповедника. Большая часть дворянства, несмотря на изучение латинского языка, не больше понимала его, как турки арабский, и несколько десятков заученных пословиц, прибауток и судейских выражений заключали всю премудрость знаменитого шляхетства польского” (Там же 129).

Во времена правления жены Сигизмунда I итальянки Боны Сфорца (XVI в.) в Польше распространилось влияние итальянского языка и культуры (ср. определенную аналогию со временем Софьи Палеолог в России). Это обстоятельство нашло отражение в повести в виде итальянских фраз, употребляемых хорунжим Солтыком. Как отмечает повествователь, „итальянский язык был тогда в моде между знатью”, и Солтыку „хотелось выказать знание дворянских обычаев” (Там же 112). Он употребляет такие выражения, как „*Se non é vero – ben trovato*” (в сноске дан перевод с ит.: „Если неправда, то

складно”) (Там же 112), „*homo di poco fede* (маловерный)” (Там же 138), „*diletto amico mio*” (перевод в сноске: „возлюбленный друг мой”).

Таким образом, полонизмы в повести Бестужева (Марлинского) выполняют функцию передачи локального колорита, характеризуют речь поляков, а также являются маркером участия поляка или лица, выдающего себя за поляка, в коммуникативном акте с представителем другой национальности (ср. диалоги еврея Лейбы с женой Жеготы, в которых не только поляка, но и еврей употребляют польские языковые элементы, или обращение русского крестьянина к лже-Маевскому с использованием слов *панья* и *паночек*, а также польские слова русского рыбака, сказанные им тому же Серебряному-Маевскому). Как во всех русских романах о Смутном времени, в повести представлены такие прецедентные польские антропонимы, как король *Сигизмунд III* (варианты: *Жигмунт*, *Жигимонт* – ср. подобную форму *Жигмонт* у Б. Акунина в „Седмице Трехглазого”), королевич *Владислав*, царица *Марина*, *Ходкевич*, *Лисовский*, *Жолкевский*. Вторичным языковым маркером „польскости” является употребление польскими шляхтичами латинских выражений. В речи одного из польских персонажей (хорунжего Солтыка) отражено характерное для определенного периода в истории Польши влияние итальянского идиома.

Еще одно замечание о польском следе в творчестве А. Бестужева-Марлинского. Это фамилия титульного героя повести *Лейтенант Белозор*, близкой по сюжету позднейшей *Северной повести* К.Г. Паустовского, но, в отличие от последней, имеющей счастливый конец. Белозор – русифицированная форма (в дореволюционной орфографии Бѣлзоръ) старинной польской дворянской фамилии. В статье „Из истории рода Белозоров герба Венява” И.В. Рачкова мы читаем: „Словом «*białozór*» в польском языке обозначают кречета (исландского сокола) – самого крупного из соколов и любимую охотничью птицу польских королей и литовских великих князей, латинское название которой *Falco gyrfalco* или *Falco rusticolus*. Дворянский род... писал свою фамилию с одним или с двумя “л” (“l”) и через чистое “о” (т.е. без “крески” над о. – Н. А.) ...Заметим, что удвоенное “л” стало появляться в XVIII в. в фамилиях некоторых родов Великого княжества Литовского как указание на благородное происхождение (*Радзивиллы*, *Соллогубы*, *Коцеллы* и др.). В конце XIX – начале XX в. отдельные православные представители гродненско-виленской и могилевской ветвей рода Бялозоров стали писать свою фамилию “Бѣлзоръ” (в то время как ковенская ветвь рода сохранила римско-католическое вероисповедание и традиционное написание фамилии)” (Рачков 2007: 13). Ссылаясь на польские геральдико-генеалогические труды Б. Папроцкого и В. Кодловича, И. В. Рачков пишет о древности рода Бял(л)озоров-Белозоров. По одной версии, этот род ведет происхождение от Гедимины, доказательством чего являются следующие факты: прозвище „Монтвид”, используемое в своей фамилии ковенской ветвью рода (а *Монтвид/Монвид* – это имя старшего сына Гедимины); надпись „Гедымин-Бялзоръ” на могиле Регины Монтвид-Бялзор (жены генерала Ивана Сухозанета) в Александро-Невской лавре; размещение фамильного герба Бялозоров на княжеской мантии под княжеской шапкой. По другой версии, этот род происходит от смоленского воеводы Андрея Саковича, сын которого с 1460 г. стал

называться Бялозором. Предок Саковича – „литовский боярин Станислав Сака принял в 1413 г. на Городельском съезде для себя и своего потомства герб Помян (в золотом поле черного цвета голова зубра или буйвола, проткнутая между глазами мечом от правого угла к левому; в нашлемнике закованная в латы рука с мечом), а фамильным гербом Бялозоров был польский герб Венява (в золотом поле черного цвета голова зубра или буйвола с рогами, загнутыми наподобие полумесяца; в ноздрях у буйвола прорезано кольцо, сплетенное из древесных ветвей; в нашлемнике изображение льва, обращенного вправо, с короной на голове и мечом в правой лапе)” (Там же 13-14). И. В. Рачков упоминает и родовое поместье Бялозоров – имение Гринкишки (совр. Гринкишкес) в Литве, которым род владел с середины XV в. по 1940 г., при этом последними владельцами были представители ковенской ветви (Монтвиды-Бялозоры). Таким образом, род Бялозоров-Белозоров имел три ветви: гродненско-виленскую, ковенскую и могилёвскую, а герой повести Бестужева-Марлинского *Виктор Белозор* по своей фамилии должен принадлежать к гродненско-виленской или могилёвской ветви древнего обрусевшего польского дворянского рода. Любопытно, что, как и герой повести, один из двух реальных представителей рода Белозоров, о которых пишет И. В. Рачков, – это *отважный военный*, участник русско-японской войны генерал Юлиан Юлианович Бялозор. Думается, что фамилия героя при известности дворянского рода Бялозоров-Белозоров в России была выбрана писателем неслучайно.

Источники

Бестужев (Марлинский) А.А., 1988, *Ночь на корабле. Повести и рассказы*, Москва.

Словари

Шетеля В.М., 2008, *Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX-XX в.в.*, Издание 2-ое, испр. и доп., Москва.

Witkowski W., 1999, *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*, Kraków.

Библиография

Ананьева Н.Е., 2004, *О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В.Г. Короленко)*, в: „Славянский вестник”, Вып. 2, Москва, с. 13-25.

Ананьева Н.Е., 2015, *Полонизмы в военной прозе Владимира Богомолова*, в: *Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура*, Москва, с. 321-335.

Ананьева Н.Е., 2013, *Полонизмы в произведениях Дины Рубиной*, в: *Amicus Poloniae, Памяти Виктора Хорева*, Москва, с. 31-46.

Ананьева Н.Е., 2014, *Полонизмы в творчестве Ф.В. Булгарина*, в: „Studia Polonoslavica”, *К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко*, Москва, с. 249-262.

- Ананьева Н.Е., 2012, *Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н.В. Гоголя*, в: *Н.В. Гоголь и славянские литературы*, Москва, с. 108-125.
- Ананьева Н.Е., 2016, *Польские реалии в творчестве М.Ю. Лермонтова*, в: *М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян*, Москва, с. 158-165.
- Ананьева Н.Е., 2011, *Польские языковые элементы в русской художественной литературе*, в: *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты*, Москва, с. 11-23.
- Ананьева Н.Е., 2017, *Польский интертекст в русской литературе XIX-XXI вв.*, в: *Rex Latina & Rex Orthodoxa, Славистические исследования: История, культура, литература. В честь 80-летия со дня рождения Александра Владимировича Липатова*, Москва, с. 249-262.
- Готье Т., 1988, *Путешествие в Россию*, Москва.
- Милейковская Г., 1984, *Польские заимствования в русском литературном языке XV-XVII веков*, Warszawa.
- Рачков И.В., 2007, *Из истории рода Бялоторов герба Венява*, в: *Поляки в России: история и современность*, Краснодар, с. 13-23.
- Шетеля В., 2011, *О польских заимствованиях в русской литературной речи XIX в.*, в: *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты*, Москва, с. 25-31.
- Kochman S., 1967, *Polsko-rosyjskie kontakty językowe z zakresu słownictwa w XVII w.*, Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Kochman S., 1975, *Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo*, Wrocław.
- Sztyber R., 2010, *Odrębność i specyfika lisowczyków w świetle utworów Wojciecha Dembołęckiego*, в: „Studia Kresowe” I, Zielona Góra-Warszawa, с. 93-129.
- Witkowski W., 2018, *O polonizmach w języku rosyjskim raz jeszcze*, в: „Rozprawy Komisji Językowej” LXVI, Łódź, с. 531-552.
- Witkowski W., 2000, *Zapożyczenia z polskiego w rosyjskiej terminologii medycznej*, в: *Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim*, Warszawa, с. 273-279.
- Wójtowicz M., 2018, *O zapożyczeniach polskich w słownictwie gwar okolic Moskwy*, „Rozprawy Komisji Językowej ŁTN” LXVI, Łódź, с. 553-564.

NATALYA ANANYEVA

**Words of Polish origin and Polish realities in *Arrivals*,
a novel by A. Bestuzhev-Marlinsky**

Abstract

The article analyses Polish linguistic elements noted in *Arrivals*, a novel by A. Bestuzhev-Marlinsky, which describes the events on the border of Russia and Poland which occurred shortly after 1613. Words of Polish origin are presented in all the parts of speech; they are tasked with conveying the local Polish atmosphere and the characteristic speech of Poles as well as people of non-Polish origin (Jews, Russians) who came into contact with Poles.

Keywords: Polish language, words of Polish origin, Latgale, artistic function, part of speech.